

Упадок и шанс России

Вячеслав Игрунов

Когда Максим Козырев говорил о влиянии глобализации на крушение экономики СССР, речь шла об исчерпанности ресурса аграрного перенаселения, что не позволило продолжать индустриализацию, а также о росте стоимости труда, который не позволил конкурировать с новыми экономиками, например с Юго-Восточной Азией, где этот ресурс велик, а стоимость рабочей силы низка. Конкуренция с Юго-Восточной Азией и с развивающимися странами в целом привела к крушению советской экономики. Это основной стержень доклада, как я его понял.

При этом Вы сказали, что аграрного населения в России осталось 15–20%, а в советское время это была треть населения. Говорить в данном случае об исчерпанности данного ресурса, мне кажется, неправомерно. Почему? Потому что в то же время в ФРГ еще несколько десятилетий назад всего 1,5–2% было занято в аграрном секторе. И, несмотря на исчерпанность, большую, чем у нас, этого ресурса, ФРГ только в этом году уступила первое место Китаю как стране экспортеру. То есть, для ее индустриализации это не было помехой. При этом дороговизна рабочей силы в ФРГ несопоставимо выше, чем стоимость рабочей силы у нас сегодня, не говоря уже о 60–х, 70–х, 80–х годах в Советском Союзе. Поэтому, если опираться только на такие цифры, выводы сделать нельзя. А аграрный сектор США в то время концентрировал

4% населения. Сейчас, кажется, в два раза меньше. Тем не менее, это позволяет быть Соединенным Штатам достаточно динамичной державой и не испытывать коллапса даже с учетом конкуренции с Китаем. Во всяком случае, пока.

А с другой стороны, аграрное перенаселение Африки чудовищное, просто катастрофическое. Тем не менее, индустриальные страны в 60–е годы закачивали огромные ресурсы туда, для того чтобы поднимать их экономику. Закончилось все страшным фиаско. Я назову только несколько цифр. В 60–и году десятка самых развитых и десятка наименее развитых стран различалась в производительности на душу населения (ВВП на душу населения) 1 к 30. В 80–м году это соотношение было равно уже 1 к 60, а в конце 90–х годов уже превосходило 1 к 90. То есть промышленно развитые, индустриальные и, условно говоря, постиндустриальные страны продолжали развиваться ускоренно, несмотря на отсутствие аграрного перенаселения. Таким образом, данный ответ, мне кажется неубедительным.

С другой стороны, Германия, как и США, находят решение в импорте рабочей силы. Почему же Советский Союз, аграрное население которого было намного выше, почувствовав, что собственного ресурса не хватает, не смог привлечь к себе тех же африканцев, не мог привлечь к себе афганцев или еще кого-нибудь? В принципе, если бы

эта задача была экономическая, она была бы решена. Отсюда я полагаю, что дело не в аграрном перенаселении, не в стоимости рабочей силы и вообще не столько в экономических факторах в прямом смысле слова. Причины упадка Советской экономики коренятся в другой сфере. Отталкиваясь от этого, я бы хотел сделать несколько замечаний. Может они будут рассыпаны по тексту, но сейчас я хочу сказать об одном.

Любое функционирование экономики строится в определенной системе ценностных ориентаций, предпочтений, определенных навыков, традиций и т.д. Грубо говоря, внутренняя логика экономики недостаточна для понимания экономических результатов и характера ее функционирования. Надо понимать религиозные системы, иерархическую структуру обществ и т.д. Без них функционирование социальной системы, невычленимой частью которой является экономика, понять нельзя.

Это, наверное, касается и советской экономики. Вернемся к ней. О планировании здесь говорили. Конечно, легко планировать, легко решать математические задачи, когда они простые. А когда они сложные и меняются постоянно, решать их, конечно, гораздо сложнее. Это как компьютер. Компьютер классная машина, щелкает быстрее нас! Загрузите в него одну программу – работает хорошо. Загрузите десять программ – он начинает иногда виснуть. Загрузите при этих десяти программах несколько блоков, которые нужно решать, да еще иногда одновременно, то знаете, что будет с компьютером? Он зависнет. Его нужно выключить и перезагрузить. В некотором смысле то, что происходило у нас в 90-х годах, было «зависанием компью-

тера». Компьютер завис, его пришлось перезагрузить. Боюсь, что компьютер не просто завис, а немножко подгорел. Но это метафора, я не хотел бы злоупотреблять метафорами. Безусловно, эта система не работала.

Мне приходилось работать экономистом (я со страхом употребляю это слово) в этой системе в середине 80-х годов. В 70-е годы я строил свои программы трансформации советской экономики, опираясь на представление о ее плановом характере. А в 80-е годы попал на предприятие, где столкнулся с планами, с фондами, согласованиями... Я много поездил, посмотрел и пришел к выводу, что реального планирования не существует.

Но скажите, пожалуйста, Китай сейчас стал стремительно индустриализовываться, а Африка в 70-е годы не смогла. В чем же, в сущности, разница? Разница в одной простой материи. И вовсе не в том, что в Китае тоталитарная или авторитарная система. В Африке тоже ведь почти повсеместно авторитарные системы, но у них с экономическим ростом дело обстоит плохо. На мой взгляд, ответ совершенно прост: иное качество трудового ресурса. Когда вы берете китайского крестьянина, то дело не в его дешевизне. Наш крестьянин в 50-е годы зарабатывал меньше современного китайца в разы. Мы, казалось, могли многого достичь, но не достигли. Наши автомобили не покупают даже собственные граждане, а вот китайские покупают. Хотя китайцы этим начали заниматься недавно, а мы занимались этим давно. Когда во время Перестройки обвиняли одного бывшего председателя колхоза в том, что он увольняет своих работников, а нанимает китайцев, то он отвечал: «А как же мне поступать? Один китаец про-

изводит столько же, сколько пятеро наших. Зарплату же я ему должен платить меньше чем одному нашему». Это о качестве рабочей силы. Ну, хорошо, это Перестройка, рушилась страна, но давайте вернемся в 70–е годы. Был такой известный прецедент с экономистом Худенко. Дали ему совхоз. Человек в 8 раз сократил количество работающих в этом совхозе и произвел в 2 раза больше продукции, чем они производили до сокращений.

В 70–х годах я был приверженцем крайне либеральных взглядов. В этот период (под конец советской власти) уже можно было под вывеской государственных предприятий создавать подобие частных. Вот у меня в этот период под вывеской государственной Фабрики народных художественных промыслов было фактически частное предприятие. Я здесь и реализовывал свои либеральные идеи. Через некоторое время мы потерпели жуткое фиаско. Накопились большие долги. Мне пришлось сократить штат с 20 до 4 человек. Мы за один месяц расплатились с долгами, которые накопились за полгода и наработали продукции, которой хватило на много месяцев вперед. Решив управленческую проблему, я бросил это предприятие сам (хотя фоном были препятствия со стороны КГБ), потому что мне стало неинтересно. Мне стало интересно подумать над культурными основаниями экономики. В тот момент, это были 1971–72 годы, я и сформулировал концепцию о том, что экономика работает в контексте культуры.

А вот г–ну Худенко сильно не повезло. Увеличив за 2 года производительность в 16 раз, он получил 8 лет лагеря и через 4 года скончался в заключении.

Могла ли экономика работать с такими стимулами? Имея в виду

такое качество рабочей силы и такой ответ на инициативу и эффективность. Я могу привести пример из своей собственной трудовой деятельности. После школы я пошел работать учеником токаря. Рядом со мной работали квалифицированные люди. Я наблюдал несколько случаев и один из них произвел на меня сильное впечатление. Один очень квалифицированный токарь, воспользовавшись случаем, решил заработать и в поте лица работал очень много и перевыполнил норму выработки. Ему заплатили. За один этот день. Потому что на следующий день расценки мгновенно срезали. Выплаченная зарплата не укладывалась в нормативы.

Может ли экономиста нормально функционировать, если мы имеем не самую квалифицированную рабочую силу с точки зрения трудовой этики; если мы стремление к зарботку наказываем репрессивными способами, срезанием зарплат и работой в ужасных условиях? Представьте, как на этого токаря смотрели мои коллеги. Ведь срезали расценки не ему одному, а всем!

Я не буду продолжать этот ряд. Могу сказать, что внутреннее устройство экономики было таково, что оно вело к саморазрушению системы. Чем сложнее становилось производство, тем тяжелее оказывалось поддерживать эффективность экономики. Примем также во внимание внеэкономические явления. Например, репрессивная система уничтожала людей со всякой инициативой. Говорят, что при Сталине уничтожали невинных, хорошо относящихся к советской власти и т.п. Ничего подобного. На самом деле, если изучать состав репрессированных, то очевидно, что в первую очередь уничтожали тех, кто обладал более высокой волей к достижению целей, более инициа-

тивных и с большими интеллектуальными возможностями. Эти люди уничтожались. Долго такое не могло продолжаться.

Максим Георгиевич говорил о том, что мы имеем деградацию всех форм капитала, в том числе и человеческого. Но ведь это началось не сегодня. Это началось в 20–30-е годы и продолжалось постоянно. Я могу показать это по этапам, и вы увидите деградацию средней школы, высшего образования, за исключением отдельных направлений.

Эта система обладала таким количеством внутренних пороков, что она не могла дольше существовать. Борис Юльевич говорил о том, что сети хороши, для того чтобы помешать кому-то решить его задачи. Но для организации стратегического прорыва они не годятся. Необходима организация, концентрация усилий. Планы – это та же концентрация усилий по сравнению с рынком. Когда хорош план? Когда необходима мобилизация ресурсов. Во время сложнейших задач в Первую Мировую войну, во Вторую мировую войну западные страны, такие как Франция и Англия, отказываются от рыночного механизма функционирования экономики, мобилизуют все ресурсы и волевым путем решают свои задачи. Они их решают и потом отказываются от такой модели. Почему? Не из-за глупости. А дело в том, что издержки такого механизма концентрации усилий слишком велики. Грубо говоря, простые ответы хороши для решения мощных вызовов, но они выжигают поле вокруг себя. Упрощение, редукция систем хороша временно, для решения самых напряженных задач. Но длительно они существовать не могут. Для длительного существования необходимы тонкие саморегу-

лирующиеся механизмы, где решения принимаются во множестве точек. В постиндустриальную эпоху, когда открытия совершаются в разных местах, безнадежно создавать простую систему. Система должна быть сложной и саморегулирующейся во множестве точек. А планирование ограничивается решением каких-либо ключевых задач.

И при этом я должен подчеркнуть, что главной задачей общества является не выстраивание экономики, а выстраивание как раз тех институтов, которые находятся за пределами экономики. Если мы их не построим, то любая экономика будет превращаться в катастрофу. Рынок отличная штука для саморегулирования производства и распределения. Но как только рынок выпадает из системы культурных ограничений – это чистой воды бандитизм. Ничего другого об этом сказать нельзя.

Сегодня мы имеем девальвацию всего капитала, в то время как мы видим рост человеческого капитала в таких странах как Китай, Индия, Иран и т.д.

Еще одна гипотеза, которая позволила мне в конце 60-х прогнозировать стремительный рост Индии и в особенности Китая. Я тогда пришел к выводу о том, что Китай должен быть лидером экономики XXI века. В это время Китай производил меньше 1% мирового ВВП, и в стране шла культурная революция, которая разрушала и экономику, и общество. Наша концепция сводилась к одному простому заключению. Чем дальше развивается экономика, тем больше в ней удельный вес интеллектуальной составляющей. То есть материальные и финансовые ресурсы играют не столь большую роль. Определяющую роль играет интеллект и человеческий капитал. Причем, ког-

да мы говорим о том, что экономика это не сугубо производство и распределение, то здесь мы обязательно принимаем во внимание те институты, которые окутывают экономику со всех сторон. Цели экономики все равно определяются культурным комплексом.

Так вот, в этом смысле все то самое, что должно быть в человеке как в экономическом инструменте, в Китае есть с избытком и больше чем в любой другой стране мира. А социальная структура и культура Китая таковы, что предполагают использование экономического потенциала с максимальным эффектом для общества.

Что должно с неизбежностью происходить? Человеческий капитал будет играть все более и более важную роль. Таким образом, чем глубже историческая традиция, чем больше накоплен социальный капитал, тем более эффективно будет работать человек в экономике. Сегодня Китай демонстрирует это движение. В каком-то смысле и Индия демонстрирует движение в этом направлении. Разница между Китаем и Индией очень простая – философия Индии менее динамична по сравнению с Китаем. И поэтому, несмотря на высокий интеллектуальный и культурный потенциал, Индия не имеет таких шансов стать мировым лидером, какие имеет Китай.

Вернемся к России. Если мы посмотрим на наши культурные особенности, то легко вспомним наиболее яркие черты, проявляющиеся на протяжении веков. Сегодня все до единого говорят, что мешает переменам в России. Судам ли, экономике ли, администрации... Коррупция! А коррупция пронизывает наше общество с очень давних времен. Иван Грозный боролся, Петр I вешал коррупционе-

ров, и на следующий день под висящими трупами брали взятки. Ничто не могло, кроме усечения голов уменьшить эту коррупцию. Как бы мы не говорили, при Сталине хоть коррупция была, но она была относительно сдержанной. Но оплачивалась она реками крови. И это привело к обратному долгосрочному эффекту – сломали хребет нации, убрав наряду с коррупционерами наиболее динамичных, умных и т.д. Механизмы общественного функционирования не выбирают, и если уж они работают, их логика обращается на всех, от коррупционера до просто активного человека. Любое общество становится заложником исторической традиции, которая может быть изменена только в длительной перспективе при неуклонном и последовательном курсе элит.

Что касается современности. Перспектив для инноваций практически не имеется. Нет ни индустриальной, ни образовательной, – нет никакой базы для этого. Но перспектива ориентации на сырьевую экономику тоже ничтожна. Почему? Потому что для обслуживания данного сектора не так много нужно нашего народа. Но посмотрите, самый трудодефицитный регион – это Центральная Россия, где нет ни нефти, ни газа, нет сверхприбыльных ресурсов. Экономика требует чего-то еще, и одна нефть прокормить всех не может. Цены на сырье, я думаю, будут устойчиво расти. Но еще быстрее будет расти стоимость конечной продукции. Она же становится все более сложной, наукоемкой. А интеллектуальный труд должен быть оплачен. Центр тяжести в ценообразовании будет непрерывно смещаться в эту сторону. На сырье долго не выживешь. Обмен сырья на готовую продукцию неизбежно будет сопряжен с отрица-

тельным сальдо. Поэтому с самого начала необходимо было использовать продажу сырья для обеспечения условий инновационного развития.

Что нужно сделать? Все-таки небольшой слой нашего общества еще сохраняет огромный интеллектуальный и образовательный потенциал. Его нужно запустить в оборот и прежде всего закачать деньги в него. Сегодня нужно поднимать именно этот слой, чтобы потом эти люди вытянули экономику. Конечно, многие от этого проигрывают, и прежде всего те, кто сегодня пьют, умирают под заборами, валяются по деревьям и т.д. Это не фигура речи. Это реальное положение. При этом может выиграть страна в целом.

По мнению Елены Николаевны, Россия сама никогда не выйдет из этой ситуации. На мой взгляд, глобализации конца не будет: циклы циклами, катастрофы возможны, но это все не смена фаз, а провалы на постоянном пути к глобальной экономике. В современном мире формируется экономическая ось. Возвращаются на арену старые игроки: Китай (в начале XIX века – главный производитель в мире), Индия и даже Иран. Идет перемещение экономического центра в регионы древних цивилизаций. Соединение Европейского центра с Юго-Восточным и дает нам новую ось, на которой будет строиться вся дальнейшая экономика. Я ее называю «ось Шанхай–

Роттердам». Все остальные страны (африканские, американские...) в некотором смысле станут периферией это огромного экономического механизма. Россия лежит на том месте, где может пролегать эта ось. Сегодня эту ось экономически выгоднее выстраивать через Казахстан, Россию, Украину и Белоруссию, чем через Пакистан, Афганистан, Иран, т.е. через Ближний Восток. Там сегодня самая тяжелая зона нестабильности. Это временное явление. Сколько лет трансформации потребуется, я не знаю... 50 лет? 100 лет? Это неизвестно. Но все-таки это произойдет, и этот мир снова вернется к лидерским позициям. Сегодня у России есть неплохой шанс воспользоваться временной нестабильностью этого региона и предложить себя в качестве составляющей вырастающей оси. Как транссибирская железная дорога выстроила в свое время экономику Сибири и сохранила для нас эту страну, так сегодня наше сотрудничество с Китаем и Европой, наше участие в предлагаемом слиянии может дать России шанс на определенную роль. Может дать нам финансовые ресурсы для того чтобы реализовать план инноваций, но не тот, который выстраивает сегодня Д. Медведев (строительство центров), а в переносе в прорывные направления интеллектуальную деятельность в России. Сегодня в России такой шанс еще остается. Еще немало и его не будет.